

Индустриальный

Орган парткома, дирекции, профкома и месткома Ленинградского Индустриального Института

Год издания третий АДРЕС РЕДАКЦИИ: Ленинград, Сосновка, 1/3, Индустриальный Институт, 1 корп., комн. 46—48
 № 35 (276) ВТОРНИК, 13 апреля 1937 г.

РАБОТАТЬ С МАССАМИ, УЧИТЬСЯ У МАСС

Единоначалие является основным принципом хозяйственного руководства, проверенным великой практикой социалистического строительства. На XVI съезде партии тов. СТАЛИН говорил, что без обеспечения единоначалия и установления строгой ответственности за ход работы мы не можем разрешить задач реконструкции промышленности.

Партия пришлось проводить и укреплять ленинский принцип единоначалия в жестокой борьбе против заклятых врагов ленинизма. Ленинский принцип победил и привел к победе на хозяйственном фронте. Теперь всякому ясно, что без него мы не могли бы построить индустрии социализма.

Основой единоначалия является тесная связь руководителей с массами.

Однако, многие хозяйственники, как это указывал товарищ СТАЛИН, считают себя, на основе единоначалия, совершенно свободными от контроля общественного мнения масс и рядовых хозяйственных работников, не прислушиваются к голосу хозяйственно-производственного актива, не считают нужным опереться на этот актив, отрываются от актива и тем самым лишают себя поддержки актива в деле выявления и ликвидации недостатков и прорех, используемых врагами для их диверсионной работы.

До сих пор в нашем институте существовали порядки, отнюдь не способствующие правильному и бдительному большевистскому руководству. Распоряжения директора не выполняются, решение некоторых важнейших вопросов передоверяется секретарям, эта же картина в уменьшенном виде повторяется и на факультетах.

Созданные «для упорядочения работы» управления и отделы изодряются в переписке, вновь и вновь реорганизуются (хоз. управление, НО). Научный отдел до сих пор еще не знает своих функций и своего места в системе научно-исследовательской работы. Отдел главного механика, входивший в состав хозуправления, работая безобразно, срывая ремонтные работы, затягивал ремонт клуба.

Система была построена так, что оформление какого-нибудь приказа, прием на работу сотрудников требовал месяцев, беспрестанных хождений в приемную директора.

На глазах директора института СУ в течение целого года разрабатывал грандиозный стомиллионный план реконструкции института, но не мог освоить двухмиллионного годового плана. Штаты его неимоверно разбухли. Строящийся в течение пяти лет высоковольтный корпус, особо важный для союзной промышленности, еще не достроен, а уже создана комиссия по приемке его и пишется реляция. Вредительски замораживается строительство машиностроительного корпуса. Строительным управлением руководит коммунист тов. Сазонов и ничего не видит.

Необходимо расценивать человека не по его политическим декларациям, а по его работе—это надо твердо запомнить. Руководители института должны помнить, что подлинное большевистское хозяйственное руководство неотделимо от большевистской самокритики, что самокритика является основным методом воспитания действительно стойких большевистских кадров, в том числе и хозяйственных.

Не бояться самокритики, а решительно и смело развернуть ее, сделать ее действенной,—вот что требуется от хозяйственных кадров.

13 апреля созывается собрание хозяйственного актива нашего института. Надо надеяться, что это собрание—как и многочисленные собрания хоз. актива, проходящие сейчас на многих заводах, главках и трестах, воодушевленные историческими решениями Пленума ЦК ВКП(б), докладом и заключительным словом товарища СТАЛИНА,—подвергнет решительной самокритике работу дирекции и ее отделов. Его задача помочь вскрыть недостатки в работе института, помочь найти пути к их исправлению. Это собрание и последующие за ним действия руководителей института должны служить экзаменом для них—умели ли они понять решения Пленума, сумели ли они перестроиться, умеют ли они работать с массами, руководить ими и учиться у них.

ДЕЛА В СТРОИТЕЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ

В 1936 г. СУ усиленно занималось проектированием, создав для этой цели аппарат из 60 человек. Всего в 1936 г. на проектные работы было израсходовано 600 тыс. рублей. Объектов, предполагающихся к строительству на площадке ЛИИ, запроектировано на 100 млн. рублей. Для осуществления такой программы строительства в течение ближайших 10 лет СУ должно ежегодно осваивать 10—12 млн. рублей.

Так стоял вопрос в 1936 г., и к этому СУ готовилось. Перспектива была богатая, но действительность показала другое. Генеральный план на 100 млн. руб. по всей вероятности является нереальным, и вместо 10—12 млн. руб. годовая программа СУ на 1937 г. утверждена в сумме 2,5 млн. рублей.

Рабочий и технический персонал проработали целую зиму, а сейчас придется проводить большое сокращение. Спрашивается, нужен ли был раньше, а особенно теперь, административный аппарат в составе начальника СУ, главного инженера, архитектора по институту, архитектора по СУ, а также заведующего проектным отделом с аппаратом в 12—15 чел. для доработки генерального плана и разработки рабочих чертежей объектов, которые в ближайшее время строиться не будут, а может быть не будут строиться вообще.

Переходя к производственным вопросам, надо сказать, что загруженность начальника СУ работами по совместительству в 4—5 местах давала ему возможность получать в месяц до 3 тыс. рублей. Для этих восторженных работ начальник СУ использовал свой аппарат (стенографистку, машинистку), содержа за средства СУ переводчика иностранной литературы и т. д. Ежемесячно

выписывалась зарплата руководящим работникам других отделов, а начальник СУ в свою очередь получал по совместительству зарплату от них. Баланс точный, а работы никакой. Деловой сработанности среди руководящих работников СУ нет. Что делает один, другой зачастую не знает. Получается дублирование вопросов и бюрократическое руководство.

Не этим ли всем объясняется оторванность начальника СУ от производства и срыв сроков окончания строящихся объектов? Понижающая подстанция должна была быть пушена в эксплуатацию в 1936 г., а она еще и сейчас не закончена. Высоковольтный корпус должен был быть давно окончен, его строят 5 лет, а когда он войдет в эксплуатацию—неизвестно. Машинный корпус, в который вложено до 1,5 млн. рублей, уже 3-й год стоит на консервации, детясли и детсад, сроки окончания которых давно прошли, еще не закончены и т. д.

Не лучше обстоит и с вопросом отношения начальника СУ к общественности. При сокращении проектного отдела в первую очередь, без согласия на то построюкома, увольняются председатель бюро инженерно-технической секции, профорг и сборщик членских взносов (все выборные). Спрашивается, что это разгон общественности или случайное увольнение?

Если ко всему этому прибавить, что начальник СУ 20—25% своего времени провел в Москве по вопросам строительства, а в результате приходится сворачивать работы и распускать рабочих, то не следует ли кое-кому серьезно поинтересоваться работой и структурой СУ?

Наблюдающий

К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВИНОВНИКОВ ЗАДЕРЖКИ ЗАРПЛАТЫ

Рассмотрев вопрос о причинах задержки зарплаты рабочим и служащим ЖБУ, местный комитет ЛИИ на заседании от 26 марта констатировал, что ЖБУ систематически задерживает выдачу зарплаты.

УСПЕХ ДИПЛОМАНТОВ ВЕЧЕРНЕГО ОТДЕЛЕНИЯ

29 марта в государственной квалификационной комиссии энергомашиностроительного факультета защищала свои дипломные проекты группа (13 человек) студентов вечернего отделения института по специальности «паровые котлы».

Эта защита должна быть отмечена, как весьма положительное явление в жизни института. Как известно, студенты вечернего отделения значительную часть своей учебной программы выполняют без отрыва от производства, благодаря чему условия их работы значительно труднее, чем у студентов дневных факультетов.

Несмотря на это, группа настолько хорошо выполнила свои проекты, на которые ей было предоставлено всего 3½ месяца, что председатель комиссии проф. А. А. Радциг в своем выступлении в конце заседания весьма детально остановился на вопросе о высоком качестве проектов и на прекрасной подготовке студентов, обнаруживших теоретические и практические знания и умение по-инженерски подойти к разрешению ряда новых вопросов в котлостроении.

Из 13 студентов 11 получили оценку «отлично» и 2 «удовлетворительно». Особенно следует отметить проекты студента Сирого (бинарная установка) и студента Мухина (проект котельного цеха). В отношении этих студентов комиссия вынесла постановление о ходатайстве перед дирекцией института о премировании их. Четыре проекта (студ. Сирого, Мухина, Макарова и Буганова) представлены кафедрой паровых котлов для демонстрации их на институтской выставке дипломных проектов.

В отношении студента Сирого, проект которого признан особо выдающимся, кафедра решила просить дирекцию об оставлении его при институте в качестве аспиранта. Вечернее отделение института и кафедра паровых котлов с особым удовлетворением отмечают большой успех дипломантов.

Заместитель зав. кафедрой паровых котлов по вечернему отделению доц. С. Шварцман

«... для руководства нашим делом одного лишь нашего опыта, опыта руководителей, далеко еще недостаточно. Для того, чтобы правильно руководить, необходимо опыт руководителей дополнить опытом партийной массы, опытом рабочего класса, опытом трудящихся, опытом так называемых „маленьких людей“.

(Из заключительного слова товарища СТАЛИНА на Пленуме ЦК ВКП(б) 5 марта 1937 г.)

БОЛЬШЕ ВНИМАНИЯ СЕМЕЙНЫМ КОРПУСАМ

В семейных корпусах как правило проживают студенты старших курсов; им как будто должно было быть уделено наибольшее внимание в обслуживании. На самом же деле этого нет.

Взять хотя бы инвентарь и оборудование, которые завезены и не обновлялись с момента заселения корпусов.

Уборные годы только для обслуживания 2—3 квартир, но никак не 30—35, отчего и получается грязь и сырость.

Учебки, красные уголки и детские комнаты очень малы и не могут обеспечить нужду всех, живущих в данных корпусах. Нет дорожек в коридорах; из-за этого постоянный шум от детской беготни, а детей в каждом корпусе не меньше 100 (во II корпусе—103).

Обо всем этом я говорил в мае месяце 1936 года дирекции ЖБУ, но ни одно требование не удовлетворено.

Комендант II корпуса Сергеев

КАК ГУУЗ ПРОВОДИЛ В ЖИЗНЬ РЕШЕНИЯ ДЕКАБРЬСКОГО ПЛЕНУМА (1935 г.) ЦК ВКП(б)

Стахановское движение ясно показало неудовлетворительность постановки технического нормирования на предприятиях Союза. Постановление пленума ЦК ВКП(б) в декабре 1935 года отметило отсталость нашего нормирования—преобладание опытно-статистических норм, отсутствие анализа производственных возможностей, равенство на выработку рабочего, слабо владеющего техникой, и самоустранение от нормировочной работы инженерно-технического персонала предприятий.

Вместе с тем тов. СТАЛИН на первом Всесоюзном совещании стахановцев подчеркнул громадное значение технических норм: «Одни говорят, что нам не нужно больше никаких технических норм. Это неверно, товарищи. Более того—это глупо. Без технических норм невозможно плановое хозяйство... Следовательно, нам нужны технические нормы, но не те, какие существуют теперь, а более высокие».

Можно ли сказать, что положение на предприятиях в отношении нормирования и основанного на нем планирования показателей по труду стало удовлетворительным? Нет, нельзя этого сказать. Колоссальные перерасходы фондов заработной платы—о чем неоднократно сообщалось в печати—факт, к сожалению, бесспорный. Большинство норм, установленных на отраслевых конференциях предприятий НКТП в 1936 г.—как об этом свидетельствует председатель технического совета НКТП (см. № 14 «Вестника металлопромышленности» за 1936 г.)—основаны на среднем фактическом приработке и далеки от технических норм. Проведенные отраслевые конференции не разрешили полностью задач, поставленных перед машиностроительной промышленностью декабрьским пленумом ЦК ВКП(б),—говорится в статье тов. Пудалова.

Естественно спросить, как же реагировал на приведенные выше директивные указания ГУУЗ, руководивший созданием тех инженеров, которые должны были и устранить недостатки существующего нормирования и создать новые более высокие технические нормы и наладить всю работу по организации и оплате труда?

Самым неожиданным образом! Для того, чтобы усилить подготовку будущих инженеров в области вопросов труда и технического нормирования—а такая задача непо-

средственно вытекала из упомянутых решений пленума—ГУУЗ, руководимый в 1936 г. врагом народа, провел следующие мероприятия: 1) упразднил кафедру технического нормирования, 2) уничтожил техническое нормирование, как отдельную дисциплину и—самое замечательное—3) выпустил программу курса организации производства, в котором техническое нормирование на инженерно-экономическом факультете отведено 30 ч (вместо 60—80 ч, которые были в планах 1935 г.), а по техническим факультетам—часов 10—12. Но даже и для этих 30 часов предложенная ГУУЗ'ом программа является каким-то сплошным недоразумением, набором общих мест и совершенно не затрагивает вопросов конкретного нормирования.

Каково сейчас положение с рассматриваемой дисциплиной в ЛИИ?

Кафедра технического нормирования упразднена, преподаватели—одни ушли или бездействуют, другим предложено срочно переквалифицироваться в преподавателей организации производства, в некоторых группах техническое нормирование «дочитывается» по старому положению. На технических факультетах, как например, на металлургическом, по нормированию уже не читается ничего и в общем к концу учебного года «мероприятия» ГУУЗ'а надо полагать дадут свои результаты: техническое нормирование будет если и не ликвидировано вовсе, то во всяком случае сведено к небольшой главе курса организации производства. И наши новые инженеры, призванные вести ответственную работу по руководству нормированием и оплатой труда (не передоверяя этого дела второстепенным работникам—нормировщикам и тарификаторам), явятся на предприятия, имея багаж знаний в объеме 10—12 часов. И это на советском предприятии, где изучение и нормирование труда должны занимать особо важное положение, и это в эпоху стахановского движения, когда в процессе организации производства и труда идет борьба за секунды.

И. Богданов

Три года тому назад он окончил Физико-механический институт. Позади остались двадцатилетие обычной, рядовой рабочей жизни, активная работа в комсомоле, упорное восхождение к вершинам знаний и, наконец, горячие студенческие годы. Впереди—широко открытые двери в науку, необятные просторы для смелых и дерзновенных полетов научной мысли, гордость и счастье служить на благо своей социалистической родины.

Что, кроме беспредельного счастья и желания учиться и работать еще и еще, может испытывать молодой человек нашей страны в эти незабываемые дни своей жизни? В портфеле—дипломная работа, отмеченная оценкой „отлично“ и (заслуженное) похвальное решение квалификационной комиссии, признающее ее оригинальным исследованием, имеющим научное значение. Рецензенты и руководители в один голос отмечают ценные качества работы: „умение чисто ставить и осуществлять эксперимент, разносторонний и критический подход к оценке результатов, инициативу и самостоятельность, значительный теоретический багаж и умение пользоваться им“.

Дипломную работу студента М. В. Карева, как оригинальное исследование, публикуют в одном, а через несколько месяцев в другом научных журналах.

По рекомендации кафедры экспериментальной физики, общественности института в апреле 1934 года его зачисляют в аспирантуру по инженерно-физическому факультету.

Полный энергии и уверенности в своих силах, аспирант Карев берет за работу по теме „Объемные заряды в кристаллах селитры“. Но... рухнули недавние многообещающие приветствия и поощрения руководителей кафедры и деканата; как тонко сплетенная сеть, путали каждый шаг Карева хозяйственные и организационные „мелочи“.

Для монтажа установки нужно было вмазать в стену две консоли. Рельс для консолей на складе не оказалось, и аспирант Карев отправляется в поиски их на площадке института. Наконец, находит, сам распиливает. Оставалось вмазать консоли в стену. Тщетно летят одна за другой служебные записки в деканат и хозяйственный отдел института. Проходит три месяца. Карев, не дожидаясь ответа, сам пробивает стену и вмазывает консоли.

Заказ Карева на изготовление кристаллодержателя мастерская потеряла. Карев сам перерывает все заказы мастерской, ничего не находит, дает заказ снова и ждет выполнения его в течение шести месяцев. Закупка инструментов, необходимых для работы (оформление и финансирование в условиях ЛИИ) почему-то была возложена на самого Карева. НИС отказался найти необходимую для экспериментов натриевую селитру и Карев долго разыскивает ее по городу.

Можно привести еще десятки фактов этого беззастенчивого и наглого издевательства над человеком. Но, довольно.

К марту 1936 года пустая комната в лаборатории, в результате упорных „научных“ мытарств Карева, была, наконец, оборудована. До сентября, ввиду отсутствия селитры, Карев вынужден был работать на старых образцах. И лишь в сентябре удалось начать серийные эксперименты.

С каждым опытом выплывали новые „непредвиденные обстоятельства“. Дело в том, что аспирант Карев своей работой повторял в некоторой части докторскую диссертационную работу профессора Гохберга, того самого Б. М. Гохберга, который в 1927 году окончил Физико-механический институт и в 1935 году получил степень доктора. Чем больше экспериментов ставил Карев, тем явственней становилось отличие его результатов от руководящих указаний, изложенных в докторской диссертации Гохберга.

Так неосторожный аспирант Карев совершил „преступление“. И новые шишки повалились на голову аспиранта Карева. В январе 1936 года профессор Гохберг отказался продолжать руководство работой Карева—Карев сам, без руководителя, должен разобраться и довести дело до конца,—глубокомысленно рассуждал профессор и добавлял:—а невыполнение работы к апрелю повлечет за собой исключение Карева из аспирантуры.

Лишенный руководства аспирант Карев настойчиво продолжал работу. Руководство лаборатории экспериментальной физики отмечало Карева, как лучшего по выполнению годового аспирантского плана и обещало повысить зарплату. Там, где профессор Гохберг производил измерения на трех кристаллах, Карев

измерял на десяти кристаллах и неизменно получал результаты, не подтверждающие положений, выдвинутых проф. Гохбергом. Проводимость кристаллов с примесями Карев регулярно получал в шесть раз большую, чем та, которая была установлена в работе проф. Гохберга. В подчете коэффициента диффузии, произведенном проф. Гохбергом, просто обнаружена грубая арифметическая ошибка.

Несмотря на все трудности, в марте 1936 года Карев закончил работу.

Свои критические замечания по поводу работ и, в частности, докторской диссертации проф. Гохберга, Карев изложил в отчете о выполнении своей научно-исследовательской темы.

Здесь начинается подоса прямого издеательства и мелочных интриг. Через несколько дней профессор Гохберг под предлогом невыполнения учебного аспирантского плана и... недостаточной теоретической подготовки Карева, проявленной им при выполнении работы, официально ставит перед заведующим кафедрой вопрос об отчислении Карева из аспирантуры.

Кареву же профессор Гохберг благосклонно советует подать заявление о предоставлении отпуска. И на этом заявлении дает свое заключение: „Необходимо отчислить из аспирантуры, как имеющего недостаточную теоретическую подготовку и недостаточно интенсивно ею занимающегося“. Бывший зав. кафедрой проф. Фредерик В. К. это заключение утвердил.

Карев пытался опротестовать исклучение в деканате факультета.

— Положение ваше безвыходное,—разводил руками заместитель декана тов. Шульман.—Все равно придется защищать диссертацию в группе ленинградских физиков и даже под руководством профессора Гохберга.

Бывший директор института тов. Тюркин, к которому обратился Карев, предложил декану ИФФ пересмотреть вопрос об аспирантуре Карева по существу, с привлечением третьих компетентных и незаинтересованных в этом деле лиц. Вместо пересмотра, вопрос этот 23 июня 1936 года был поставлен на заседании кафедры экспериментальной физики. Трудно представить себе более наивное и беззастенчиво-тенденциозное заседание, чем это. Поставив этот глубоко принципиальный вопрос в порядке „разбора жалобы Карева директору ЛИИ на личные взаимоотношения проф. Гохберга“ и отстранив „как не имеющий касательства к данному делу“ вопрос об условиях работы Карева, заседание начало копаться в мелочах, подбирая гамму „фактов“ для характеристики „недостойного“ поведения аспиранта Карева.

И вот поруганный и облепленный грязью ярлыков „лодыря“, „плагнатчика“ и „клеветника“, которому не может быть места в аспирантуре, Карев уходит искать правды и помощи. Что касается ошибок профессора Гохберга, то заседание признало их, но поставило в вину Кареву то, что он в беседе с директором представил эти ошибки не как арифметические, а как принципиальные. После заседания, за спиной членов кафедры, среди которых были товарищи, возражающие против такой постановки вопроса, и за спиной Карева профессора Френкель и Гохберг мастерят соответствующий текст решения кафедры и передают его в деканат.

Исключенный из аспирантуры и оставленный научным работником лаборатории, Карев в сентябре 1936 года по январь 1937 года не

имеет со стороны кафедры и руководства лабораторией никаких плановых установок в своей работе. Его прежнюю исследовательскую работу поручили проводить новому лаборанту со средним образованием, не имеющему никакого опыта работы в этой области. Кареву урежают зарплату сначала до 150 рублей, а затем повышают до 300 рублей в месяц.

Отчет Карева о научно-исследовательской работе по мотивам полемичности его с работой проф. Гохберга четыре месяца маринуется под сукном. Наконец, при кафедре создается „научный совет“, где профессору Гохбергу предоставляется право защищать свои взгляды и даже как он выражался „придираться“ к работе Карева. И „научный совет“ выносит следующее мудрое решение: рекомендовать „опубликовать в печати результаты работы и поручить Б. М. Гохбергу и М. В. Кареву окончательно отредактировать статью“.

Это было в октябре 1936 года, но работа Карева до сих пор в печать не слана.

Можно было бы продолжить факты этого ничем не прикрытого выживания и прямого издеательства над человеком. Но каков же конец этого позорного для крупнейшего советского втуза дела?

В том-то и дело, что конца этого до сих пор нет.

В целях всестороннего освещения вопроса по существу разногласий между Каревым и проф. Гохбергом, работа Карева направляется к представителю другой школы этой области физики в СССР—действительному члену Совета Всесоюзного электротехнического института доктору Квитнеру. Он дает о ней прекрасный отзыв, отмечает заслуженные объективными и безукоризненными экспериментами достоинства ее перед работой проф. Гохберга и считает необходимым опубликовать в печати.

Наконец, директор института тов. В. Г. Евдокимов создает специальную комиссию в составе проф. Калантарова (председатель), академика А. Ф. Иоффе, академика Миткевич, акад. Мандельштам и проф. Вальтера. 17 января 1937 года эта комиссия в неполном составе (без акад. Мандельштама и проф. Вальтера) заседала. Приходится лишь удивляться, как эта, всеми нами уважаемая комиссия „не заметила“ в деле Карева позорных для научных работников фактов прямого зажима научной критики и самокритики на кафедре экспериментальной физики и не дала ответа по существу разногласий между работами Карева и проф. Гохберга.

Этого „не заметил“ и директор института тов. Евдокимов, издавший на основании решения комиссии 17 февраля 1937 года приказ, формально реабилитирующий Карева, как научного сотрудника, но ничем не изменивший положения его в лаборатории и на кафедре. Приказ не восстановил Карева в аспирантуре, не осудил фактов зажима Карева на кафедре и издевательства над ним.

Большая и возмутительная история этого дела глубоко поучительна. Почему среди некоторой части наших научных работников еще живет нетерпимое отношение к научной критике и слепое раболепие перед авторитетами? Почему до сих пор среди научных работников слабо развернута борьба с этими вредными и недостойными высокого звания советского ученого пережитками бескультуры и лакейского угодничества? **Н. Белоречкий**

„Откровения“ преподавателя Воейкова

На металлургическом факультете в гр. 407 преподаватель Воейков читает курс „организация производства“. На протяжении всего курса Воейков не дал никаких сведений об организации социалистического производства. Наоборот, начиная с 1-й лекции, стал высказывать политически совершенно неверные, вредные положения. Он заявлял:

что у нас в недалеком прошлом (год точно не был указан) была девальвация рубля(!);

что степень механизации нашего производства определяется исключительно экономической целесообразностью(!);

что вся суть стахановского движения сводится к тому, что рабочие „поднажали“(!) Когда кафедра обратила внимание Воейкова на ошибочность этих высказываний, последний, придя в группу, не исправил их, а ограничился общими оговорками.

Отсюда вывод один. Мы не можем и не должны представлять наши аудитории для сознательной или бессознательной пропаганды чуждых нам положений о нашей социалистической действительности. Этот вывод прежде всего должен сделать деканат металлургического факультета и оградить студентов в будущем от таких лекций и такого лектора.

Студенты группы

Можно быть учтивым и любезным и все-таки проявить столько вопиющего бездушия, сколько может уместиться в самом заядлом бюрократе.

В декабре прошлого года проф. Гиттис возбудил перед дирекцией института ходатайство об оставлении при институте своего питомца, выпускника Мосоловича.

В сектор кадров НКТП спешно шлет письмо, за ним другое, третье. Институт просит об оставлении молодого специалиста Мосоловича при проф. Гиттисе.

Ровно через месяц проф. Гиттис просит директора... уволить Мосоловича из института.

— Я в нем разуверился,—заявил проф. Гиттис.

Мы не имеем права давать профессорам советы в выборе того или иного аспиранта, но совершенно несомненно, что такая „двойная бухгалтерия“ отнюдь не способствует укреплению доверия наших выпускников к профессуре.

Проф Гиттис читает лекции, заведует кафедрой и, наконец, руководит факультетом.

Спрашивается, знает ли проф. Гиттис своих аспирантов, студентов и вообще своих людей, если он так быстро переходит от признания способностей своих учеников к убеждению в их непригодности?

И не такие ли явления имел в виду тов. Орджоникидзе, издавая приказ, запрещающий увольнять молодых специалистов в течение 3 лет.

Но профессор Гиттис сумел обойти приказ тов. Орджоникидзе и в настоящее время избавился от „неспособного“ тов. Мосоловича.

Но может быть это единичный случай. Так сказать, исключение?

Оказывается—нет. Только вчера нам стало известно о еще более возмутительном факте, происшедшем опять-таки на энергомашиностроительном факультете.

Инженер Теселкин еще студентом работал в лаборатории паровых машин. Деканат буквально дрался за оставление Теселкина при лаборатории. Он считался незаменимым работником. Отзывы о Теселкине составлялись в таких ярких красках, что способны были вскружить голову самому искусственному человеку.

Опять в Москву полетели письма донесения, ходатайства. Сектор кадров долго не уступал, но в конце концов согласился, и Теселкин остался работать при лаборатории.

И вот несколько дней тому назад (7 апреля) деканат энергомаша, не сообщая даже в сектор кадров НКТП, без разрешения директора института уволил Теселкина. Все сошло тихо, благополучно, без скандалов.

* * *

Наш институт выпускает ежегодно 2500 молодых инженеров. Об этом мы любим говорить на торжественных заседаниях, об этом десятки раз упоминается в готовящейся истории ЛИИ.

Вот перед нами молодой специалист. Диплом в кармане. Белое здание Индустриального осталось позади. А дальше?

Как он работает? Стал ли он уже директором завода, о чем он наивно мечтал на первом курсе ОТФ, или все еще работает бригадиром на сборке? Доволен ли он заводом и доволен ли завод им?

Выпускник-отличник Алексеев был послан в Запорожье. Там его гоняли с места на место, от одного начальника к другому и в заключение предложили: „Ищите сами себе работу“. Наконец, начальник электролаборатории соглашается его принять. Но Алексеева опять не оформляют. Пока он обивал пороги начальников цехов, его ленинградский паспорт оказался просроченным.

— Поезжайте в Ленинград за паспортом,—сказали ему.

Напрасно Алексеев доказывал абсурдность этого предложения. Он не имеет в Ленинграде уже ничего общего. Кроме того, у него нет денег на поездку.

Получился заколдованный круг. Чтобы получить паспорт—нужно работать, а чтобы поступить на работу—нужно иметь паспорт.

Запутавшись в бюрократической машине, Алексеев заболел и через две недели умер. Дирекция комбината пыталась замолчать этот случай, но общественность завода взволновалась и вскрыла гнусный факт травли молодого специалиста со стороны окопавшихся на заводе террористов и белогвардейцев и их покровителей—людей, потерявших советское лицо. Общественность требует привлечения их к уголовной ответственности.

За убийство судят и виновники безусловно получают по заслугам! Но если такой случай травли единичен, то неполадок в смысле предоставле-

ния соответствующей работы, строго оформления и создания необходимых материальных условий—хоть отбавляй! Даже с распределением студентов-выпускников на работу обстоит весьма неблагоприятно.

Согласно существующим законам персональное распределение студентов, оканчивающих втузы, производится не позднее чем за шесть месяцев до окончания.

В большинстве случаев это не выполняется. Распределение производится главками обычно без учета запросов с заводов. Завод порой и не знает, что в один прекрасный день к нему явятся пять молодых инженеров, командированных НКТП на работу. Где уж тут заботиться о минимальных жилищно-бытовых условиях? Нужно срочно найти свободный стол и поставить его в конструкторском или плановом отделе.

Несмотря на категорический приказ, запрещающий отказываться от молодых специалистов, до сего времени не изжиты случаи отказа предприятий от приема специалистов, уже утвержденных сектором кадров НКТП.

Все это ведет к большому количеству недоразумений и по существу к срыву плана распределения.

Камгэстрой отказывается принять 30 чел., оканчивающих наш институт, Волга—Москва—33 чел., Уралмаш—7 чел., Невский машиностроительный—5 и т. д.

Распределение студентов проходит без участия кафедр. Были случаи посланки выпускников не по специальности исключительно по вине комиссии, которая неясно себе представляла некоторые профили наших специальностей.

Это (и многие другие факты) показывает, что распределение молодых специалистов проходит неудовлетворительно. Серьезные, оперативные меры к исправлению допущенных ошибок не принимаются, а если и принимаются, то после длительной переписки с Москвой.

Все это касается оформления, так сказать, стадии получения заводского пропуска и зачисления в штат. А условия работы? Знаем ли мы, как работают наши люди, на которых мы в течение 5 лет тратили средства, учили их, воспитывали и делали из них советских инженеров?

Два года тому назад у нас существовало бюро связи с окончившими, но оно занималось только единичными вопросами технической помощи. Все его функции сводились к тому, что, получив от молодого инженера письмо, секретарь заносил его в книгу и передавал проф. Славинскому или, скажем, проф. Попову.

Какой директор завода не интересуется тем, как работают машины, выпускаемые заводом? Он сам периодически объезжает предприятия потребителей, а специалисты-механики систематически работают у потребителей, изучают машину в действии. Рекламации, получаемые заводом, печатаются в заводской газете на видном месте.

Пора и нам послать наших „механиков“ для проверки условий работы „машин“, выпускаемых ЛИИ. И делать это надо не с помпой и музыкой, а скромно и по-деловому.

Многие наши профессора работают консультантами на заводах, пользуются большим авторитетом. Почему бы им, после завершения своих дел на заводе, не заглянуть в цех, где работают их же ученики, не узнать, что им мешает работать и после этого не поговорить с техническим директором? Такая „протекция“ не противоречит советским законам.

Совершенно случайно мы узнали, что партысчаник Филимонов, отличник, окончивший металлургический факультет и посланный на Кировский завод, болтается там без дела. Уволить его не имеют права, ну и получает человек 350 рублей и ничего не делает.

Мы знаем, кто из наших профессоров связан с Кировским заводом. Думаем, что кто-нибудь из них настоит на том, чтобы Филимонову предоставили работу.

Мы должны заботиться о наших выпускниках. В порядке встречной инициативы нужно связаться с заводами, во-время сигнализировать об опасностях, привлечь виновных к ответственности. Одним словом, принимать все меры, ограждающие права молодых людей, оканчивающих наш институт.

О. Глауберман

Кружок работает плохо

Плохо работает политкружок, где пропагандистом является тов. Красовский. Слушатели кружка, комсомольцы II курса, не удовлетворены качеством занятий. Обсуждая состояние учебы в кружке на комитете комсомола института, присутствовавшие здесь слушатели кружка резко критиковали неустроенность и плохую организацию учебы.

В чем основной недостаток в учебе кружка? Пропагандист тов. Красовский не понял до конца и не сделал выводов из решений X съезда и Пленума ЦК ВЛКСМ о том, что политическое воспитание комсомольцев—дело ответственное, трудное и формально к нему относиться невозможно. Достаточно сказать, что новый метод занятий—полный, насыщенный фактами, политически-заостренный рассказ пропагандиста—отсутствует.

Метод «вопросов и ответов» остался, и теперь к тому же на вопросы нередко отвечает сам пропагандист, так как слушатели приходят неподготовленными.

Выступавшие в прениях слушатели говорили, что не всегда пропагандист умеет четко обобщить факты в единую ясную политическую линию.

Пропагандист не сумел по-настоящему заинтересовать слушателей, зачехлив их вкус и любовь к занятиям в кружке.

Вторым крупным недостатком в работе этого кружка является то, что фактически руководства со стороны комитета II курса ОТФ (тов. Тихонов) не было. Достаточно сказать, что из 20 чел., занесенных в список кружка, занятия посещают с пропусками 11—12 человек. Девять человек—«мертвые души» и до сих пор не выяснено, почему они не посещают занятий. Даже прийдя на комитет с отчетом, член комитета тов. Соломенцев не побеспокоился узнать, что это за «мертвые души». Есть слушатели (напр. тов. Ушкало), которые умудрились пропустить девять занятий. Тов. Ушкало ссылался на то, что «он болен»; однако «болезнь» эта не помешала ему сдать все предметы на «отлично».

Непосещение занятий политкружка—обычное явление, но это не беспокоит комитет второго курса. Комитет комсомола ЛИИ указал на эти недостатки и предложил комитету II курса устранить их.

Кружок тов. Красовского должен работать лучше.

К. Кир

Слушатели не получают исчерпывающего ответа

По-моему, большим недостатком в работе пропагандиста Красовского является то, что он относится иногда к делу формально. Придет, проведет занятие и наэтом считает воспитание слушателей оконченным.

Затем, тов. Красовский не умеет захватить внимание слушателей, сосредоточить его на основном и решающем вопросе. Не всегда дает ответы, обобщающие весь материал в целом.

Все это привело к тому, что у слушателей нет любви к своему кружку и поэтому некоторые товарищи приходят на занятия только в силу комсомольской дисциплины. Желания учиться в кружке у них нет. Сидят на занятиях и жгут с нетерпением конца.

Тов. Красовский должен сделать занятия интересными, насыщенными фактами и политически-заостренными.

Пархуто

Пропагандист приходит на занятия неподготовленным

Руководитель нашего кружка тов. Красовский не всегда достаточно хорошо готовится к занятиям. При проработке темы «военный коммунизм и экономическая политика партии в годы гражданской войны» он не сумел дать четкого определения политики военного коммунизма.

Тов. Красовский еще не усвоил постановления ЦК ВЛКСМ о перестройке работы политсети: он не делает вступительной беседы—обзора по теме, а начинает с «активного» метода беседы, т. е. спрашивает, кто из слушателей желает выступить по теме. При этом много времени уходит на «раскачивание», так как многие приходят неподготовленными. Вместо того, чтобы выделить, что именно читать из рекомендованной литературы, тов. Красовский дает всю литературу (до 120 страниц) по первоисточникам плюс учебник. В результате слушатели, разумеется, не успевают всего прочесть.

Слушатель кружка К. М.

Беспечность

Среди руководителей комитета ВЛКСМ ЛИИ царит вопиющая беспечность. Особенно отличаются в этом тт. Кантор и Кравцов.

8 апреля 1937 г. комната, где данные товарищи обычно работают, была открыта, все ящики находящиеся в комнате столов были открыты. В столах находились: ведомости уплаты членских взносов за январь, февраль, папка с подлинниками анкет утвержденных руководителей, карточки на руководителей, материалы обследования кружков с характеристиками руководителей и итоговыми данными о занятиях кружков, квитанции РК ВЛКСМ по внесению членских взносов за 1935/36 год.

Видно, руководители комитета ВЛКСМ института не сделали для себя никаких выводов из доклада тов. СТАЛИНА на Пленуме ЦК ВКП(б).

М. Иванов, Цибизов, Кабаков, Гончаров, Колоницкий, Ляликов

(Фото Коновалова)

Кружок повышенного типа, руководимый тов. Ковалевым (на снимке—крайний справа), изучает историю гражданской войны. Слева направо: студенты II курса ОТФ—тт. Попов, Быковский, Плавинская и Осмоловская

Тов. Малкина права

Думаю, что каждый студент, прочитавший статью тов. Малкиной «Корень зла в перегрузке», согласится с ее доводами. Обрисованное ею положение существует не только на гидрофаке, но и на электромеханическом факультете.

Ведь трудно предположить, что наша студенческая молодежь аполитична. С другой стороны, нельзя полностью сваливать вину на плохое организационное руководство политическим воспитанием со стороны парткомитета, комитета ВЛКСМ и профорганизации. То, что их работа и методы подчас хромают—факт, но я считаю, что главное—это перегрузка академикой.

Вряд ли мы овладеем большевизмом, если будем на политзанятиях пассивными слушателями зачастую неинтересных докладчиков, подающих нам вместо истории партии отдельные эпизоды из гражданской войны. А пассивность объясняется опять же отсутствием времени для подготовки к политзанятиям.

А разве возможна углубленная проработка читаемых нам дисциплин, когда каждый новый день увеличивает багаж заданий и новых тем? Нет.

Почему студенты не интересуются работой научно-технических кружков?

Конечно, не потому, что у них нет желания повысить и углубить свои знания и научиться самостоятельно решать те или иные вопросы, а потому, что они в такой мере загружены, что нет времени думать о кружках.

При подготовке к экзамену подавляющим большинством прорабатывается лишь тот минимум, который указан в программе; о проработке дополнительных материалов не мо-

жет быть и речи. Вся подготовка сводится к тому, чтобы не завалить экзамен и тем самым не лишиться стипендии. На базе этого процветает «арапничество» и «сдирание» заданий. Даже сильные студенты, не укладываясь в расписание, иногда занимаются этим.

Группа специализации «электрические измерения» (III курс) писала об изобилии читаемых ей дисциплин, но деканат ничего не предпринял в этом направлении, хотя это явно расходится с постановлением о высшей школе. Аналогичное положение существует и в других группах III курса ЭМФ.

Рассуждать долго нельзя, надо действовать. Ведь окончание учебного года близко, и если положение не изменится, то результаты весенней сессии будут гораздо более плачевными чем зимней.

В целях улучшения качества усвоения дисциплин, надо не останавливаться перед сокращением раздутых программ, дать некоторые дисциплины факультативно или продлить срок обучения в стенах института, если первое невозможно.

При настоящем же положении возникает сомнение, чтобы «наш инженер был лучшим в мире».

А почему бы действительно не дать читаемому первому потоку III курса ЭМФ дисциплину «основы теплотехники» факультативно? Пусть деканат подумает над этим, а также вспомнит, что студентам III курса до конца года (учебного) предназначено сдать 8 экзаменов и 2 зачета, а это немало.

Хотелось бы услышать на этот счет мнение деканата, профессорско-преподавательского состава и массы студенчества.

Пржемыцкий

КОРЕНЬ ЗЛА НЕ В ПЕРЕГРУЗКЕ

Прочитав статью студентки III курса ГТФ тов. Малкиной «Корень зла в перегрузке», я считаю, что долг каждого студента—хорошо подумать над содержанием этой статьи, так как она пытается объяснить, в чем именно «корень зла» нашей неумелой работы. Я считаю, что та программа, которая преподносится нам, студентам, особенно III курсу ГТФ,—нормальная, но беда в том, что большинство из нас не умеет организовать свое рабочее время так, чтобы его хватило на учебу, культурный отдых и политическое образование. Если организовать правильно свое рабочее время и, не запуская лекционного материала, приступить к выполнению домашних заданий, можно легко справиться с тем материалом, который нам преподносится. Ярким доказательством может служить работа ряда студентов того же курса ГТФ.

Секретарь комсомольского коллектива ГТФ—Ф. Володенков. Кто не знает, что он почти целыми днями находится в стенах института и только поздно вечером является домой. Совмещая с учебной большой общественной работу, тов. Володенков сумел добиться отличных показателей по всем дисциплинам. В этом полуголдии тов. Володенков почти все задания сдал в срок, и тем не менее он находит время для того, чтобы в день отдыха прийти в общежитие № 7 к товарищам, сходить в кино или в театр. Где же корень зла?

Студент III курса 302 группы Михай добросовестно прорабатывает материал, всегда раньше срока сдает задания и если обратиться к нему за разъяснением, получаешь толковый и ясный ответ. Почему это так? Ясно, что это результат глубокой проработки материала. Тов. Михай уделял много времени катку, шахматам, кино, театру, лекциям НТК. Откуда, спрашивается, он находил для всего этого время?

Студент III курса 302 группы Сапфир—отличник по всем дисциплинам, толково и глубоко прорабатывает лекционный материал, задание выполняет всегда раньше срока, работает в НТК и тоже имеет достаточно свободного времени для отдыха.

Деметьев—профорг 302 группы, III курса—всегда во-время сдает домашние задания, находит время регулярно посещать все лекции, организуемые в институте, занимается своим общим и политическим образованием, играет в шахматы, часто посещает каток, кино, и театр. Многим студентам помогает своими советами и толковыми объяснениями.

Подборский, студент III курса 302 группы, аккуратно ведет записи лекций, глубоко и во-время прорабатывает лекционный материал, имеет много свободного времени, читает беллетристику, газеты, посещает кино и театры, всегда чутко относится к товарищам, обращающимся к нему за помощью.

Гончаров—302 группа, Голубев—303 группа, Белязин—303 группа Ягоджан, Новодержкин—все они отлично работают, хорошо и умело организуют свое рабочее время. Эти товарищи не испытывают «перегрузки».

Я считаю правильной статью, появившуюся в курсовой стенгазете, подхлестывающую сильно отстающих студентов, не выполняющих во-время домашних заданий (1—2 задания в месяц), в том числе и автора статьи «Корень зла в перегрузке» тов. Малкину. Надо прямо сказать, что мы не умеем работать и вдобавок к этому не хотим учиться работать так, как работают наши передовые товарищи.

«Корень зла» не в перегрузке и не в удлинении учебного процесса, а в том, что студенты и большинство наших общественных и комсомольских организаций не умеют по-деловому, по-большевистски работать и организовать свое рабочее время.

Многие студенты-комсомольцы прорабатывают и должны прорабатывать гениальные труды МАРКСА—ЛЕНИНА, но большинство из них не задавало себе вопроса, как и когда эти гениальные мыслители успели написать столько трудов, находясь в крайне тяжелых материальных условиях. Ясно, что эти труды являются результатом правильной организации рабочего времени.

Почему наше стахановское движение распространилось широко в массах, почему стахановцы опрокинули все старые технические нормы? Потому что они правильно и разумно организовали свое рабочее время и тем самым перекрыли и перекрыли новые увеличенные нормы. Беда не в том, что наш план громаднее, не в том, что мы перегружены, а в том, что мы не умеем работать, не умеем выполнять этот план, плохо выполняем лозунг «владения техникой».

Студ. III курса 302 гр. Ю. Бикмухамедов

ДИСЦИПЛИНА НЕ НА ВЫСОТЕ

Одним из недостатков работы нашего кружка (пропагандист тов. Красовский) является плохая посещаемость. Многие комсомольцы (Черепанова, Кривобоков, Биршев) считают возможным пропустить политзанятия, если на следующий день им предстоит сдавать экзамен, или если в день занятия они записаны на прием к декану.

Это говорит о том, что комсомольцы еще не поняли значения политического воспитания и не всегда чувствуют свою ответственность за пропуск занятий.

Кроме того, причиной плохой посещаемости я считаю недостаточно

энергичное воздействие на пропускающих занятия без уважительных причин со стороны комитета ВЛКСМ II курса ОТФ. Дело ограничивается собиранием сводок о посещаемости, разговором непосещающих с комсоргом потока и в лучшем (но к сожалению редком) случае—разговором в комитете.

Дальше этих разговоров дело до сих пор не шло. Отсюда, как следствие, отсутствие у комсомольцев чувства ответственности за непосещение занятий.

Староста кружка № 15 II курса ОТФ Панюков

Занятия проходят неинтересно

Я занимаюсь в комсомольском политкружке пропагандиста тов. Красовского. Занятия проходят неинтересно и сухо.

Тов. Красовский не прибегает к помощи художественной литературы, не приводит отдельных эпизодов из борьбы нашей партии и рабочего класса за диктатуру пролетариата. Фактов и примеров очень мало, наглядные пособия почти не используются. Один раз была принесена карта «поход антанты», но к ней почти не обращались. И получается, что карта висит так, для приличия.

Пропагандист Красовский не знает, чем интересуются ребята, что они знают, а поэтому и не может удовлетворить наших запросов.

Не мешало бы также хоть пять минут уделять текущей политике, так как некоторые события вызывают у комсомольцев большой интерес и споры.

Если тов. Красовский учтет все эти недостатки и перестроит свою работу, то кружок будет работать хорошо и ребята будут охотно посещать занятия.

И. Силицын

ПИСЬМО в РЕДАКЦИЮ

Еще раз о читальном зале

Мы неоднократно просили директора библиотеки создать нормальные условия для работы в читальне (Главное здание, II этаж), но ничего не добились. Директор библиотеки обещает установить порядок, но пока что все идет по-старому.

Что мешает работе? Во-первых, непрерывная ходьба сотрудинок библиотеки и их довольно громкие разговоры (взять хотя бы пункт выдачи или журнально-газетный уголок), во-вторых, то, что журнальный уголок, куда ходит очень много народу, расположен в конце читального зала. Чтобы попасть туда, нужно пройти через весь зал. Отсюда непрерывный гул от ходьбы (ковров-дорожек в проходах нет).

Не меньше мешают громкие разговоры некоторых студентов. На просьбу товарищей прекратить шум, эти невежи не обращают решительно никакого внимания. И, наконец, на дверях нет блока, который бы автоматически закрывал ее. Из-за этого весь

шум из коридора врывается в читальный зал.

Мы считаем, что эти недостатки можно ликвидировать максимум в недельный срок. В читальном зале должна быть абсолютная тишина.

Студенты

Песня Парижской коммуны о 18 марта плавно переходит в революционную песню Испании и с еще большей силой ощущается близость между борьбой Парижской коммуны и сегодняшней борьбой революционного пролетариата против фашизма.

Только что на экране развернулась волнующая эпопея Парижской коммуны. В темноту зрительного зала горящими глазами глянули мужественные герои, первыми поднявшие знамя рабочей революции. Они захватили зрителя и глубоко взволнованный пережил он вместе с ними 72 дня существования коммуны.

Сценаристы Шаховский и Рошаль (режиссер Рошаль) проделали большую работу. Они отразили дух Парижской коммуны. В ярких эпизодах показали они жизнь парижских кварталов, переполненных народом кафе, площадей. Они показали разлад в коммуне и те ошибки, которые привели к гибели первую рабочую революцию.

Они показали отважных бойцов коммуны, смело идущих в бой и героически гибнущих на баррикадах.

Коммунарка Катрин Милляр поднимает на борьбу женщин Парижа. Художник оставляет рисунки и берет винтовку. Старик-башмачник, оставив колодки, смело идет на баррикады. На защиту коммуны выступает батальон иностранцев, в революционном Париже нашедший новую родину.

Поляк Ярослав Домбровский—генерал коммуны, немец—Карл Штайпер, это незабываемые образы геро-

Кадр из фильма „Зори Парижа“

ев, беззаветно преданных делу коммуны.

Смертельный удар палача Тьера из Версаля уничтожил коммуну, но героическая борьба французского народа была только началом будущих революционных битв.

Фильм „Зори Парижа“, несмотря на некоторую затянутость, смотрится с неослабевающим интересом. Артисты Максимов (Катрин Милляр), Абрикосов (Этьен Милляр), Плотников (Ярослав Домбровский), Мареев (Ярослав Домбровский), Станицин (Карл Штайпер) сумели создать волнующие образы героев Парижской

коммуны. Несмотря на обилие событий 72-дневной борьбы, режиссеру удалось создать сравнительно законченный сюжет, удалось сделать героев фильма близкими и понятными зрителю.

Непреклонная вера в победу, неустрашимость в смертельной схватке,—все эти качества коммунаров блестяще передает фильм и заставляет зрителя почтительно склонить голову перед памятью героев, бесстрашно погибших на баррикадах за великое дело коммуны.

Член просмотрного пленума
Е. Эйду

4 апреля происходило собрание шахматно-шашечного актива института. Собрание заслушало отчет председателя бюро шахсекции тов. Дубах о проделанной работе. Отчет, продолжавшийся минут десять, достаточно ясно показал, что работа полностью развалена. Спартакиада по примеру прошлого года, не проводилась, учебно-методическая работа стояла на столь низком уровне, что даже кружки таких квалифицированных руководителей, как Раузер и Циценовский, прекратили свое существование. Чемпионат института безобразно растянулся и под конец развалился, так как трое участников его были дисквалифицированы, а двое—выбыли из института.

Причина столь слабой работы заключается в том, что большая часть бюро ничего не делала и его деятельность не контролировалась и не направлялась профкомом института и спортобществом „Авангард“. Признав работу старого бюро недо-

влетворительной, собрание выбрало новое бюро, в которое вошли следующие товарищи: Дубах (ИТФ), Пятелев (ИФФ), Гольцанд (Мет. факультет)—председатель бюро, Тодес (преподаватель), Змеев (Энергомаш), Черненко (ОТФ), Меркин (ЭМФ), Константинов (ОТФ), Ружин (ОТФ)—секретарь бюро.

Редактирование шахматного отдела в „Индустриальном“ поручено тов. Меркину.

Собрание отметило необходимость развертывания большой учебной работы с целью подготовки новых квалифицированных кадров игроков. Особое внимание было обращено на необходимость работы с шашистами и девушками.

Заброшенным участком оказалась и поэзия шахмат—шахматная композиция. И это несмотря на наличие ряда композиторов: Ратинья (председатель секции композиторов по г. Ленинграду), Троповского, Меркина.

Постановление Арбитражно-контрольной комиссии шахсекции ЛГКФК

Арбитражно-контрольная комиссия шахсекции ЛГКФК в составе: членов комиссии Волковского (председатель), Романовского, Ботвинника, Ягдфельда и и. о. секретаря Змеева рассмотрела в присутствии вызванных по делу: Левинского, Яворского, Петрова, Мясоедова, Тодеса, Дубах, Калинин, Зарецкого, Гульдина, Федорова, Сомова и др. дело о подделке таблицы шахматного чемпионата Ленинградского Индустриального института (турнир I и II категории) и вынесла следующее постановление:

Считать установленным, что среди группы высококвалифицированных шахматистов ЛИИ существовали вредные настроения, чуждые основам советского шахматного движения, заключающиеся в деляческом подходе к соревнованиям, игнорировании элементов соревнования, стремлении достичь призовых мест путями, ничего общего с шахматным творчеством не имеющими, результатом чего явилось представление участником чемпионата ЛИИ шахматистом II категории СССР Левинским в областную квалификационную комиссию таблицы неоконченного чемпионата, в которой неигранные партии были указаны, как законченные, а некоторые результаты действительно иггранных партий были изменены. Кроме того, фамилии двух участников турнира Пендраковского и Зарецкого были заменены Гукowymi и Рубинштейном, не участвовавшими в турнире. Таблица была Левинским обманным путем заверена печатью профкома института.

АКК считает установленным, что участники чемпионата, шахматисты II категории СССР Яворский и Петров знали о подлоге, но, присутствуя на заседании областной квалификационной комиссии, скрыли его ввиду личной заинтересованности, так как по итогам представленной таблицы все трое (Левинский, Яворский и Петров) получали право участия в общесоюзной олимпиаде I категории СССР.

АКК считает, что разговоры о возможности представления поддельной таблицы велись между многими участниками чемпионата, но фактический материал, имеющийся в распоряжении АКК, не дает еще возможности в настоящее время сделать конкретные выводы как по данному

обстоятельству, так и по отдельным ненормальностям, имевшим место в прошлом, во время проведения полуфиналов чемпионата ЛИИ.

На основании изложенного АКК постановила:

1) шахматиста II категории СССР—Левинского исключить из шахматной организации сроком на 1 год;

2) шахматистов II категории СССР—Яворского, И. и Петрова, Ю. дисквалифицировать до 1 января 1938 г.;

3) указать членам турнирного комитета ЛИИ тт. Мясоедову, Тодесу и Дубах на их халатное отношение к своим обязанностям;

4) поставить перед ленинградской шахсекцией вопрос о необходимости произвести срочное обследование шахматной работы в ЛИИ;

5) поставить перед ленинградской шахсекцией вопрос о проведении всех без исключения квалифицированных турниров высших категорий а также чемпионатов крупнейших организаций, под обязательным контролем спортивно-судейской комиссии, с участием специально выделенного судьи;

6) настоящее постановление довести до сведения общественных организаций ЛИИ, газет „64“ и „Индустриальный“.

Концерт самодеятельности ЛИИ ПО РАДИО

15 апреля в 22 часа через ленинградские радиостанции и станции Коминтерна будет передоветься концерт студенческой самодеятельности нашего института.

Концерт имеет следующую программу

1. Симфонический оркестр под управлением В. Э. Фехнера:

а) Чайковский. Сюита из балета „Лебединое озеро“;

б) Чайковский. Ария Лизы из оперы „Пиковая дама“ при участии солистки Окновой Е. С.,

в) Россини. Каватина Фигаро из оперы „Севильский цирюльник“ при участии солиста Н. Рубан.

2. Дубровская В. И. (рояль):

а) Балакирев—Полька,

б) Шопен—Этюд № 5.

3. Несговорова Е. Д. (сопрано):

а) Пуччини. Ария Тоски из оперы „Тоска“;

б) Глиер. „Жить, будем жить“ (романс).

4. Симфонический квартет, Руководитель М. И. Калатухин.

Состав: Боверман—1-я скрипка, Ротфельд—2-я скрипка, Петрушин—альт, Гачковский—виолончель.

Исполняется первая часть квартета Бетховена.

5. Токарев В. Л. (баритон):

а) Чайковский. Ария Мазелы из оперы „Мазепа“;

б) Лысенко. „Безмечное поле“;

в) Гречанинов „Узник“.

6. Хор студентов под управлением Н. С. Ураевского:

а) Песнь народного фронта,

б) Даргсмыжский. Свадебный хор из оперы „Русалка“;

в) Держинский. „От края и до края“—хор из оперы „Тихий Дон“ в сопровождении симфонического оркестра ЛИИ.

Наши радио-узлы должны организовывать трансляцию этого концерта по общегородским, а студсоветы его щежитий обязаны организовать его коллективное слушание в красивых уголках.

Отв. редактор И. Д. ФЕДОРОВ

ВОЗМУТИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Весна, особенно северная, с ее оттепелями и заморозками, таянием снегов и паводками—тяжелое время для легочников, а 22 года—возраст, когда туберкулез особенно опасен.

Студенту Голубинцеву 22 года. И сейчас весна. И у Голубинцева 3-я стадия открытого процесса.

Это хорошо понимает мать Голубинцева. Это понял директор института тов. Евдокимов, но этого не хочет понимать главный бухгалтер института Катран. У него, Катрана, своя логика и своя высоко-бухгалтерская принципиальность.

„Какие бы там резолюции Евдокимов не накладывал, я денег не дам, так как сметой не предусмотрено“.

И вот идут дни. Тает снег, тает Голубинцев и не тает только глетчер бухгалтерской принципиальности.

Голубинцев—дипломант механического факультета, лучший студент 539 группы. Мать Голубинцева—педагог рабфака, работающий больше 20 лет. Она обратилась к директору института с просьбой о помощи. Помощь нужна была неотложная, и тов. Евдокимов наложил на заявление резолюцию: „В профком. В виде особого исключения приобретите путевку Голубинцеву за счет дирекции“.

Могло ли быть иначе?

Но оказалось, что открытый процесс в легких Голубинцева, и горе матери, и ясное распоряжение директора... „сметой не предусмотрено“.

2 апреля тов. Евдокимов пишет вторую резолюцию: „Бухгалтеру тов. Катран. Прошу в виде особого исключения выдать деньги или из фондов пособия, или из директорского фонда“.

С резолюцией к Катрану пошел тов. Целикин.

„Сегодня денег нет и вообще...“—это начало резолюции, которую собирался наложить Катран.

„Звонить я никому не буду“—это ответ Катрана на настойчивое предложение тов. Целикина позвонить по телефону директору.

„Деньги выдам, когда они будут в кассе“—это, наконец, было обещание.

И деньги в институте были получены 5 апреля. И обещание не было выполнено, ибо Катран наложил резолюцию „выдать... за счет профкома“, а профком на это не согласен и денег при таком условии не берет.

25 марта—5 апреля! 10 губительных, весенних дней. Голубинцеву все хуже и хуже. Голубинцев не встает с постели. Товарищи, опомнитесь! Что здесь происходит?

До каких пор махровые бюрократы будут своей чиновничьей тупостью мешать нам, советским людям—и директору института, и общественности, и отдельным товарищам—выполнять ясный и твердый сталинский лозунг заботы о живом человеке?

Ведь если деньги на путевку даже будут в конце концов выданы, то кто оплатит счет за упущенное время, за ухудшение и без того тяжелого состояния Голубинцева?

ФИЗКУЛЬТУРА

ЛИИ ЗАНЯЛ ПЕРВОЕ МЕСТО в 5-й зимней спартакиаде вузов

23 марта спортзал Василеостровского дома культуры был оживлен сверх обычного. Мелькали гимнасты и гимнастки в майках всех цветов. На галерее все места были заняты болельщиками и зрителями, которые поддерживали свои команды аплодисментами, иногда независимо от результатов выступлений.

Начались соревнования 19 вузов Ленинграда по гимнастике, решающие результат 5-й зимней спартакиады вузов и вузов.

В темно-голубых майках гимнасты и гимнастки „Индустриального“ обсуждают выступления первых двух коллективов—Горьского и Текстильного институтов, показывающих свою работу в зале.

Наконец, команда „стройся“ и в зал входит Индустриальный институт. Короткий рапорт главному судье... мужчины и женщины направляются к снарядам. Оценки даются по десятибалльной системе и в результате работы мужских команд уже появляются оценки: 9,7; 9,8; 9,9; наконец, 10 и на выполнении вольных упражнений сразу три 10-балльных оценки (Пахоменко, Вальтер, Славницкий).

У женщин результаты тоже неплохие и по всей команде ни единого нуля.

В зале наших гимнастов усиленно фотографируют свои же „леечники“, болеющие больше всех. Сегодня у нас хорошие результаты по четырем пройденным снарядам. Горный институт уже позади нас, Текстильный тоже, хотя женские команды их работают лучше наших.

24 марта—самый боевой день. На очереди брусья, турник, прыжки. Опять аплодисменты вызывает очень четкая работа Филиппова, Пахоменко и Мокшина, которого судьи почему то называют то „Можкиным“, то „Ложкиным“.

Женщины кончают работу без единого поражения и теперь усиленно „болеют“. Наши тренеры подсчитывают очки и шансы на победу. В это время мужчины под аплодисменты кончают прыжки. Они имеют очень хорошие результаты, особенно второй разряд, и без единого нуля.

Вот в зал входят наши основные противники—I и II мединституты и ЛГУ. Начинается сравнение оценок, и Филиппов подсчитывает десятки доли балла, которые теряет претендент на индивидуальное первое место по II разряду—мастер Гуляев (II мединститут).

Всеобщее восхищение вызывает работа женских команд I и II мединститутов и особенно работа гимна-

стки I разряда СССР Бурневской (II мединститут).

В результате соревнований на первое место вышла команда ЛИИ, на второе—I мединститут, на третье—II мединститут, на четвертое—Горный институт; пятое и шестое место заняли ЛГУ и ЛИИЖТ.

Результаты по разрядам следующие: II разряд, мужчины, в составе Филиппова, Пахоменко и Мокшина заняли I место; индивидуально первое место по вузам занял Филиппов, второе—Пахоменко, восьмое—Мокшина.

III разряд, мужчины, в составе Вальтер, Борисова, Славницкого, Грязнова, Залесского и Бузика заняли второе место.

II разряд, женщины, в составе Дедовой, Александровой и Козловой заняли седьмое место.

III разряд, женщины, в составе Стронцеловой, Пушкиной, Кашеевой, Жженовой, Трофимовой и Розиной заняли третье место.

Результаты у гимнастов хорошие, но успокаиваться на достигнутом нельзя. Эти результаты достигнуты под руководством лучших тренеров тт. А. Н. Гумбина и А. А. Жирова.

Наша задача выполнена. ЛИИ занял первое место в 5-й зимней спартакиаде вузов Ленинграда.

Б. Эрлихман

(Фото Коновалова)

Лучшая женская команда (№ 378) в IV корпусе Флюговского студгородка
На снимке—студентки тт. Кравченко, Мартисевич и Буланова